

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

**ПЕТЕРБУРГСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**

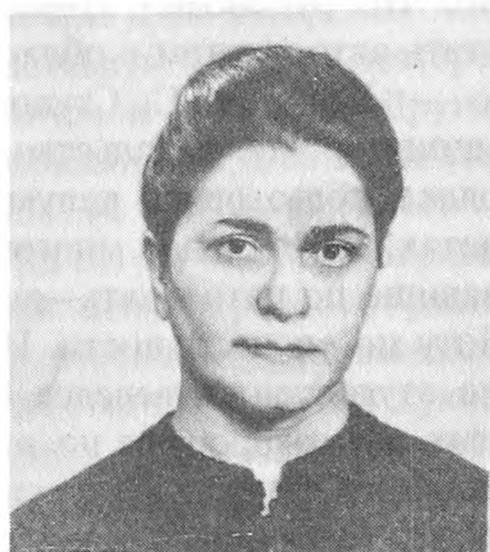
**St.Petersburg Journal
of Oriental Studies**

**выпуск 5
volume 5**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1994

Эльвира Степановна Стулова (27 августа 1934—23 сентября 1993)

Эльвира Степановна Стулова родилась в Батуми 27 августа 1934 года, там прошло ее детство и отрочество, и привязанность к родному городу она сохранила до конца своих дней, но почти вся сознательная ее жизнь прошла в Ленинграде—Санкт-Петербурге. Она стала ленинградкой в 1950 г. и в 1952 году поступила на Восточный факультет Ленинградского университета, на его китайское отделение. Она была в числе студентов-китаистов, попавших в Университет после установления в 1949 году Китайской Народной Республики. Год ее поступления был рекордным по числу принятых студентов — китаистов было пять учебных групп. Кафедра китайской филологии в то время переживала острый кризис. Ушел из жизни академик В. М. Алексеев, глава и организатор кафедры в предреволюционное и послереволюционное время. Переехал в Москву (и вскоре там скончался) оригинальный исследователь китайской грамматики и блестящий педагог А. А. Драгунов. Были уволены О. Л. Фишман и И. Э. Циперович, надолго исчез В. А. Вельгус. Из прежней когорты на кафедре остался только Г. Ф. Смыкалов — но и до его кончины осталось три года. Стоял вопрос о срочном пополнении кафедры молодыми специалистами. Тогда и появились в ее составе имена С. Е. Яхонтова, В. В. Петрова, Е. Е. Серебрякова, много лет поддерживавших престиж кафедры и готовивших кадры, сохранявшие прославившие ее традиции петербургской синологической школы. Под руководством этих молодых тогда людей, почти сверстников вновь принятых студентов, и начала свое китаеведное образование Э. С. Стулова.

Среди других студентов Э. С. Стулова выделялась как суровой строгостью при общем изяществе внешнего облика, так и какой-то беспощадной к себе серьезностью при прохождении учебной программы. Она всегда была готова к очередному занятию, раньше всех научилась свободно и правильно писать иероглифы, так что уже тогда ее каллиграфия была отмечена — а китаеведы хорошо знают, что в Китае о степени квалификации китаеведа судят в начале по тому, насколько он владеет "китайской грамотой". Она быстро продвигалась вперед в освоении лингвистических премудростей — тем более успеш-

но, что руководил этими ее штудиями С. Е. Яхонтов, уже успевший стать авторитетом в области китайской грамматики.

Когда Э. С. Стулова достигла третьего курса, выяснилось, что министерское начальство, полагавшее, что необходимо в срочном порядке подготовить целую армию китаеведов, ошиблось в своих расчетах. Даже менее многочисленные выпуски прежних годов, насчитывавшие по пятнадцать—двадцать человек, далеко не всегда находят работу по специальности. И были предприняты решительные меры: число студентов-китаеведов было сокращено в несколько раз, сокращенных же разбросали по разным факультетам. Под сокращение попала и Стулова: дело решалось по спискам на факультетском уровне, почти без консультаций с кафедрами. Но на защиту Стуловой выступили все те, кто вел непосредственно занятия в группах, характеризуя ее как весьма перспективную студентку. И Стулова была оставлена в китаеведении.

Всей своей дальнейшей деятельностью Э. С. Стулова доказала, что защищали ее не зря. Вскоре она в группе лучших студентов послана по договору об обмене студентами между СССР и КНР в Китай — и прошла там полный курс в Пекинском университете, окончив его в 1960 г. В полной мере она овладела китайским языком — лучше, чем все другие русские студенты. Она понимала свободно даже беглую речь, не рассчитанную специально на иностранца — всякий, изучавший иностранный язык, знает, что такие навыки даются с наибольшим трудом. Не менее замечательны были ее успехи в каллиграфии. В ее почерке не осталось ничего ученического, позволяющего знатоку с первого взгляда отличить написанное иностранцем. Для китайского же знатока умение писать индивидуальным почерком является неоспоримым признаком высокой образованности, и Э. С. Стулова такое признание заслужила полностью.

По возвращении в 1960 г. в Ленинград Э. С. Стулова завершает свое образование уже на Восточном факультете ЛГУ — и в 1961 году, обладая дипломами двух университетов, становится сотрудником Ленинградского отделения (теперь — Санкт-Петербургский филиал) Института востоковедения Академии Наук. Вскоре ее друзья и коллеги убедились в еще одном результате ее пребывания в Китае: она овладела секретами китайской кухни и не раз устраивала угощения во время домашних встреч.

Первое время она занималась темой, начатой в Ленинградском университете и продолженной в Пекине, — особого рода фразеологическими сочетаниями в китайском языке, известными под термином *чэньюй*. Отметим, что наличие чэньюев является одной из характернейших особенностей китайского языка, и выбор Э. С. Стуловой не был случайным. Стремясь по своему данному природой характеру к точным и исчерпывающим сведениям об изучаемом предмете, она в

соавторстве с ее соучеником по Ленинграду и Пекину А. А. Тороповым составляет словарь чэньюев, общим объемом в 36 авторских листов. К сожалению, этот труд, могущий представить большой интерес для изучающих китайскую идиоматику, остается в рукописи. Другой частью ее работы в начальный период ее пребывания в стенах Института востоковедения стало описание фондов П. А. Дмитриевского и А. О. Ивановского в Архиве востоковедов Института востоковедения. Потом, уже посвятив себя другим темам, она неоднократно обращалась к материалам Архива востоковедов, в частности, чрезвычайно важные материалы она извлекла из бумаг начальника Десятой духовной миссии в Пекине (1821—1830) архимандрита Петра Каменского.

Вскоре, однако, эти работы отошли на задний план, в связи с общей ориентацией исследований Ленинградского отделения Института востоковедения на изучение коллекций рукописей и старопечатных книг, собранных российскими востоковедами на протяжении ста пятидесяти лет существования Азиатского музея — Института востоковедения Академии Наук. Русские китаеведы собрали около 50 тысяч томов китайских старопечатных книг. И хотя с начала XX века под руководством В. М. Алексеева велся постоянный учет хранящихся в фондах книг и новых поступлений, печатных доступных всем каталогов этих фондов не было. Э. С. Стулова стала членом группы, возглавленной Б. Б. Вахтиным, задачей которой было описание китайских ксилографов (старопечатных книг, печатавшихся с резных деревянных досок), хранящихся в Институте. Эта работа, занявшая период с 1961 по 1969 год, завершилась трехтомным трудом "Каталог фонда китайских ксилографов Института востоковедения Академии Наук СССР" (издан в 1973). Э. С. Стуловой, кроме работы над самим корпусом каталога, (наравне с другими членами группы) выпало заниматься самой обременительной частью предприятия: подготовкой каталога к печати и фронтальной сверкой всей его иероглифической части. Именно Стулова вела все дела с издательскими редакторами — народом, как мы все знаем, дотошным и придирчивым — и исправляла текст по их замечаниям. Остальные члены группы к этому времени уже занялись в основном своими собственными исследованиями.

Когда группа только начинала свою работу над каталогом, автор данных строк обратил внимание Б. Б. Вахтина на то, что в фонде содержится изрядное количество редких сочинений китайской песенно-повествовательной литературы особого жанра, известного как *баоцзюань*. Жанр этот связан с деятельностью и проповедью тайных сект китайских синкретических религиозных учений, смеси даосизма, буддизма и отчасти конфуцианства. По общему соглашению тема *баоцзюань* бала предложена Э. С. Стуловой, и изучение этого жанра стало делом ее жизни.

Тема оказалась нелегкой. Деятельность тайных сект, как бунтовщических, была запрещена в XVIII веке, а ее книги императорской волей обречены на уничтожение. Только в XX веке, когда китайские ученые создавали историю китайской литературы по европейским моделям, возродился интерес к простонародным жанрам китайской литературы, ранее в историю вообще не включавшимся. Из забвения или полужабвения вышли драма, "рассказывание книг", различные песенные и песенно-повествовательные жанры. В числе новых объектов изучения оказались и произведения жанра баоцзюань. Впервые они были описаны одним из корифеев нового китайского литературоведения Чжэн Чжэнь-до (1898—1958), и главы о баоцзюань включены в его знаменитую "Историю китайской простонародной литературы" (1936). Параллельно с Чжэн Чжэнь-до баоцзюань изучал специалист по истории, литературе и обрядам тайных сект Ли Ши-юй. Чжэн Чжэнь-до уже не было в живых (он погиб в авиационной катастрофе), но с Ли Ши-юем Э. С. Стуловой удалось связаться, и переписка с ним очень ей помогла овладеть этой сложнейшей, почти не разработанной в китаеведении тематикой. Много позже, в 1989 году, во время ее подготовки к вторичной поездке в Китай, Ли Ши-юй, переживший так называемую "культурную революцию" 60—70 гг., неожиданно посетил Москву, и Э. С. Стуловой удалось лично с ним встретиться. К сожалению, встреча их была слишком краткой, но им удалось обсудить многие проблемы их общих исследований.

Э. С. Стулова взялась за тему, трудности которой оказались воистину неисчислимыми. Исторические сведения о тайных сектах и их развитии приходилось добывать по крупицам. Первым сочинением, к которому она приступила, была "Баоцзюань о конечном смысле недеяния Пу-мина" (или короче "Баоцзюань о Пу-мине"). Это уникальное издание XVI в. (других экземпляров его нет нигде в мире). Э. С. Стулова сначала предполагала издать факсимиле с небольшой вводной статьей. Но вскоре она поняла, что не вникнув в текст этого сочинения, о нем невозможно сказать ничего, кроме самых общих сведений, почерпнутых у Чжэн Чжэнь-до и Ли Ши-юя. И она решилась на предприятие, которое по справедливости должно быть оценено, как научный подвиг: текст баоцзюань был переведен, комментирован и уже на этом основании детально исследован. Если бы Э. С. Стулова знала заранее те трудности, которые ее ждали, она, может быть, и не взвалила на себя этот труд, но раз начав, она довела дело до конца — не в ее принципах было отступать. Сложнейшая смесь даосских и буддийских терминов и теорий, персонализация святых синкретического пантеона, приемы композиции баоцзюань, деформации иероглифов (часто вызванные ритуальными целями), способы исполнения баоцзюань (предназначавшихся изначально для устной проповеди), музыкальное сопровождение, сфера распространения жанра — все это если

и исследовалось ранее, то в самой зачаточной форме, даже таким знакомом как Ли Ши-юй.

Результат известен: в 1979 г. в серии "Памятники письменности Востока" (Вып. LVI) вышла книга "Баоцзюань о Пу-мине", сразу же привлекавшая внимание специалистов во всем мире. Где бы я ни встречался с коллегами, занимавшимися историей китайской простонародной литературы, везде я слышал отзывы, оценивавшие издание как уникальное и со стороны опубликованного текста, и по детальности и достоверности его исследования. Исследование это еще до его публикации было защищено Э. С. Стуловой в 1974 г. в качестве кандидатской диссертации.

Опубликовав свою монографию, Э. С. Стулова упорно продолжала продвигаться вперед в изучении жанра. В 1984 году она напечатала обзор "Аннотированное описание сочинений жанра баоцзюань в собраниях ЛО ИВ АН СССР", где сочинения этого жанра, хранящиеся в фондах Санкт-Петербургского филиала Института, впервые были представлены в исчерпывающих и подробных их описаниях, как технических, так и содержательных, превосходящих во много раз таковые у ее знаменитых предшественников. (Статья была написана на десяток лет раньше, но выход ее задержался из-за неповоротливости наших издателей).

Из произведений, описанных Э. С. Стуловой, она выбрала для специального исследования два. Первое из них — "Баоцзюань о Чун-чжэне" связана с историческим событием — восстанием Ли Цзы-чэна, падением империи Мин и самоубийством последнего минского императора Чун-чжэня (1644). Другое — "Баоцзюань о Муляне", переложение легенды об ученике Будды Муляне (китайская адаптация имени Маудгальяна), который нисходил в преисподнюю для спасения от мук своей матери, — и в этой легенде вкраплены факты китайской истории, связанные с восстанием Хуан Чао (875—884). Разработка этих тем и в особенности отражения в легендах истории народных восстаний в Китае была осуществлена в целой серии статей и докладов, опубликованных или произнесенных в последнее десятилетие ее жизни.

Когда готовилась знаменитая сейчас двухтомная энциклопедия "Мифы народов мира" (первое издание в 1982 г.) и ее сокращенный вариант, энциклопедический справочник "Мифологический словарь", (первое издание в 1990 г.), Э. С. Стулова оказалась единственным специалистом, знающим пантеон тайных сект, и к ней, естественно, обратился редактор китайской части изданий Б. Л. Рифтин с просьбой написать соответствующие статьи. Шесть заказанных статей входят в указанные справочники, и не вина Стуловой, что для остальных двенадцати не хватило места на страницах печатных изданий.

В 1988—1989 гг. появилась, наконец, после многолетнего перерыва, возможность стажировки китаистов в изучаемой ими стране.

Однако, как это часто бывало и ранее, в пятидесятые годы, при распределении путевок о ленинградских китаеведах как бы забыли. Э. С. Стулова, бывшая тогда профоргом сектора, не смирилась с этим, проявила незаурядную энергию и настойчивость, дошла до высоких академических инстанций — и добилась, что на Ленинградское отделение выделили пять путевок. При этом она беспокоилась в первую очередь не о самой себе (хотя и ее имя вошло в число поехавших на стажировку). Ее прежде всего заботила участь китаистов старшего поколения, судьба которых сложилась так, что за тридцать—сорок лет занятий Китаем они ни разу в этой стране не бывали, живого Китая не видели. Когда мы (в том числе и автор данных строк) на целые полгода (сентябрь 1989—февраль 1990) попали в Китай, советы "старого пекинского волка" Э. С. Стуловой служили для нас своеобразным путеводителем, как себя вести и как ориентироваться в китайской столице. Правда, и ей не хватало снесенной в "культурную революцию" старой городской стены и ее башен.

В Китае во время стажировки Э. С. Стулова, не откладывая дела в долгий ящик, принялась за выполнение намеченного ею плана работы. Главное здесь было ознакомление с существующими и ныне разновидностями жанра баоцзюань и приемами их исполнения, а также встречи с коллегами, занимающимися изучением этого жанра. Первым из районов, где и до сих пор живы баоцзюань, был древний город Янчжоу на северном берегу Янцзы, на восток от Нанкина. Там Стулова встречалась с знатоками и мастерами устного рассказа. Собранные ею материалы значительно дополнили ее коллекцию сведений о жанре.

Другая разновидность баоцзюань доньше распространена в самой западной провинции собственно Китая Ганьсу. Стуловой не удалось побывать в этих районах, но я во время моего посещения знаменитых "Пещер тысячи будд" в Дуньхуане встретился с сотрудницей Академии дуньхуанских исследований Тань Чань-сюэ, которая изучает народное творчество Западной Ганьсу, причем баоцзюань занимают в ее исследованиях ведущее место. Она знала работы Э. С. Стуловой, просила меня наладить с нею связь и была очень рада, что Эльвира Степановна в Китае.

В столице Ганьсу Ланьчжоу, в университетском общежитии для иностранных специалистов у меня произошла еще одна встреча: в мою комнату "случайно", как он сказал, постучался проф. Е Кай-юань, оказавшийся знатоком китайских народных представлений. В наших беседах с ним я неоднократно ссылался на исследования Э. С. Стуловой, и они профессора весьма заинтересовали. А так как в сферу его компетенции входили также и баоцзюань, он решил специально съездить в Пекин для встречи со Стуловой, каковая вскоре и состоялась. Коллеги, по моим сведениям, остались весьма довольны друг другом.

По возвращении в Петербург Э. С. Стулова со свойственным ей стремлением любой предмет исследовать до полного его освоения приступила к дальнейшему исследованию избранных ею проблем. Опубликованные, подготовленные к печати и оставшиеся в рукописи, законченные и почти законченные ее работы этого краткого времени составляют значительную часть ее научного наследия. О ее добросовестности и требовательности прежде всего к самой себе свидетельствуют материалы ее архива. К примеру, при исследовании "Баоцзюань о Пу-мине" ей потребовались сведения об основах китайской медицины — и она перевела ("для себя"!) труднейший и во многом загадочный древний трактат "Хуан-ди нэй цзин" ("Скрытая книга императора Хуан-ди"). Таким способом Э. С. Стулова усвоила основную (исходную для китайской медицины) систему терминологии.

В августе 1993 года я участвовал в международном конгрессе синологов в Гонконге. В числе других весьма многочисленных ученых на конгрессе были (впервые в таком большом количестве) и китайские специалисты. Многие из них спрашивали меня о Стуловой. К сожалению, она в это время была уже тяжело, неизлечимо больна, и ничего утешительного я им сказать не мог...

Ею написано более 60 работ, значительная часть которых (особенно за последние годы) осталась в рукописи. Они могли бы составить солидный и очень важный сборник, как по уникальности тематики, так и по детальности разработок.

Л. Н. Меньшиков